

Из Сибири в Крым

Десятого августа, на Одигитрию-Путеводительницу ехала я в Феодосию к родной сестре моего деда Валентина, Вере; той, что героически ухаживала за парализованным мужем сорок лет. Было очень жарко. Маленький автобус обдавало тёплым, но крепким ветром, а это уже значительно легче!

У водителя икона «Одигитрия», значит, направление верное, словно бы указала его мне Матерь Божия. В то лето жила я в Николаевке, от Феодосии четыре часа на автобусе. Ехала, возможно, проститься, или же повидаться в последний раз. Ехала и не знала – жива ли моя тётя, связи не было. Застала её в печальном состоянии, одинокую старушку под девяносто, – в грязи и воню собачьей шерсти, прилипшей всюду.

- Поехали со мной, тётя Вера, увезу тебя на родину, там остаток дней проживёшь, со мной и мамой.

- Твоя мама, поди, выгонит меня, на порог не пустит? – то ли шутя, то ли всерьёз сказала тётя.

- Почему ты так думаешь? Мама добрая, гнать – не её свойство. Ты сибирский характер забыла?

- Не забыла, потому и говорю. Твой папа, мой племянник, когда сюда с женой приезжал, заняли у меня двести рублей, а отдать забыли... Сибирский характер, вишь ты, у неё, - ушла она в другую комнату с ворчанием, за ней ушли два дворовых пса. Она их, малышей ещё, спасла, вытащила из помойки: кто-то топил - не дотопил, а старушка услышала писк и полезла в мусорные ящики, достала. Давно было, старела с ними, в ограде можно было держать дворняг, но жалела очень – за преданность, за службу. А вот долг тридцатипятилетней давности помнит родному племяннику. Какие-то двести рублей – по тем временам среднемесячная зарплата. Может, ей обидно за обман, а не жалко – кто заглянет в душу, крме Господа?

Душа её, старушки, в молодости покинувшей

Сибирь, прекрасна, а голова разбита. Собственно, поэтому и разбита. Ночью возле её ограды муж избивал жену, а тётя заступалась бесстрашно. Получила железным прутом по голове, но женщину выхватила, убить не дала.

...Ночью, в духоте непрветриваемой комнаты, не спалось.

- Слышь, девка, ты ить не зря таку даль-то ехала, может, хочешь, чтоб я тебе квартиру эту отписала? Ты скажи, не бойсь, нас с тобой двое. Могу и отписать, но не желаю тебе своей судьбы – тяжело одной остаться на чужбине-то.

- Нет, тётя Вера, я не за этим к тебе. Думаю, Бог меня привёл, чтоб священника тебе пригласить, если хочешь поисповедоваться, с Богом соединиться, прощения у Него испросить. Завтра можем сходить с тобой в собор святой Екатерины.

- Нет, в церкву я и без тебя схожу, а сведи ты меня к нотариусу, хочу завещание переписать.

Утром, умывшись и нарядившись, отправились с ней к нотариусу. Из кабинета в коридор, где я её ждала, тётя вышла расстроенная:

- Не хватило двести гривен мне, - говорит. - Поехали домой.

Достала из кошелька недостающую сумму, дала ей:

- Чего ты из-за денег огорчаешься? Двести гривен - это пустяк.

Она вернулась в кабинет, исправила завещание так, как хотела – на свою внучатую племянницу из Красноярска, Лену, которая все годы её навещала:

- Ну и что, что у Ленки муж богатый, мол, ей не надо ничего. Мало ли что скажет девка - это её квартира - по справедливости!

Мы под ручку вышли с ней, и вдруг меня осенило весельем в сердце: вот зачем я приезжала – двести, ровно двести гривен – отдать долг за покойного отца, чтоб его совесть ТАМ не мучила! Какой Ты милостивый, Бог! Из Сибири – в Крым – долг вернуть привёл!

- Скажи мне, Господи, ПУТЬ, им же пойду: Господи, к Тебе прибегах: научи мя творити волю

Твою, яко Ты еси Бог мой! Пробави милость Твою Ведущим тя! - Весело пелось в моём сердце славословие всю обратную дорогу в Николаевку. Тётя не решилась ехать со мной, осталась в Феодосии. Хотела быть похороненной там, где могилка её мужа Павла. Он терпеливо смолоду до старости нёс свой крест тяжкой болезни. Крест был им дан один на двоих.

Вынужденное свидетельство тьмы

Сижу за компьютером, тихо звучат вальсы Шопена. Переговариваемся с сыном, он делает ремонт в нашей старенькой «хрущёвке».

Интересно, на какие шиши Хрущёв их построил и бесплатно отдал людям? И за чей счёт ремонтировались они раньше, когда квартплата была мизерной? Хочется спросить словами В.С. Высоцкого: где брали «деньги, Вань?». Стоят эти жилые соты, раствор меж кирпичей превратился в песок... Кое-где трещины пошли в домах. Опасно и печально. А всё ж и хорошо: сижу вот, с сыном вспоминаю его и своё детство.

-Помнишь, Саша, в нашем подъезде жила девочка Марина, умерла в 21 год, росточком была с трёхлетнюю девочку?

-Нет, мама, не помню.

-Как ты можешь помнить, если она была в моём детстве? – Мы прыснули оба, поняв, что сморозила глупость. - Лет до трёх она росла, потом заболела. Врачи поставили неверный диагноз, лечили от несуществующей болезни, и рост прекратился. Её мама возила дочку в Москву. Сама там скиталась по углам, определив в стационар Марину. Однажды приютили мать добрые люди. В благодарность она как-то принесла им курицу. Смутились, переглянулись. Она помнит этот случай, хотя прошло лет пятьдесят с того дня. Но только сейчас догадалась, что видно, были они верующие, и шёл пост. Спаси их, Господи, пустили в дом незнакомую женщину на долгие месяцы, не пожалели местечка, кормили завтраками, делились, как с родной – милосердие их ещё и сейчас благоухает, время его аромат не заглушило, - когда она рассказывала об этих добрых людях, я плакала – Христос был среди них. В доме у Марининых родителей с тех пор, как заболела их дочка, не поселилось уныние. Ему там места не давали. То и дело собирались друзья, чтоб проводить поэтические вечера, музыкальные, художественные. Весело было всегда, искреннее это было веселье – Мариночка не плакала и всем слезливым строго говорила: «У нас не плачут». В те годы мы с Мариной только встречались в подъезде, я удивлённо глазела, как кроха спускается по лестнице, хромая, держась

за друга, скрепляющие перила – до перил она едва дотягивалась. Такой её помню. Помню голос, улыбку... Умерла Марина без слёз, тихонько вздохнув. Семья их потом съехала. Встретились мы в церкви, пройдя разными путями жизнь, – прихожане Никольского храма, где служил владыка Лука. Конечно, поминаю Марину все годы. И сегодня о ней разговор зашёл неслучайно – в святую Марину-то! И о ...блаженной Матроне Анемнясевской. О ней слышала, но житие только сегодня прочитала. Она тоже была маленького роста. Слепела ещё ребёнком от оспы. Когда, слепая, нянчилась с младшей сестрёнкой и уронила её с крыльца, была избита матерью так, что больше уж ходить не могла – пролежала всю оставшуюся жизнь в детской махонькой кроватке – рост прекратился. Терпела скорби, холод. Однажды её забыли в сених, платье покрылось льдом. Терпела побои, злобу, ненависть сестёр и брата. За всех молилась. Знала много церковных песнопений, молитв и акафистов наизусть, была строга в исповедании православной веры, добра и жалостлива, сама часто причащалась, очень уважала духовенство.

О её жизни написал священник Николай Правдолюбов. Читала это житие и восхищалась, как тьма сама свидетельствует – вынужденно – о Свете: «...было собрано колхозное собрание, на котором постановили “изъять” Матрону Григорьевну Белякову как “вредного элемента”. Из 300 жителей села подписались 24 активиста. Сельсовет дал характеристику “на Белякову М.Г.”, в которой она прямо и открыто названа святой без всяких кавычек и иронии. “Данная гр. является вредным элементом в деревне, она своей святостью сильно влияет на тёмную массу... Ввиду этого по с/с задерживается ход коллективизации”.

От этого свидетельства становится ясно, как страшна святость аду. Что может сделать больная, недвижимая кроха здоровым мужикам? Чего её бояться-то? Но и её – в Бутырскую тюрьму. И новое свидетельство: «...пробыла она там недолго, потому что сделалась объектом почитания почти всех, без исключения, заключённых, которые начали петь акафисты и молиться. Её должны были куда-то деть. Убить боялись, а отправить в лагерь не позволял пример тюремного молитвенного подъёма заключённых».

Две личности сегодня перед моим духовным взором, обе маленькие в земной жизни девушки. Одна так велика теперь, что всем просящим на земле может милость подать. Надеюсь на милость Бога: моя соседка Марина, мужественная девушка, тоже у Него – ведь «явилась» она мне на свою святую покровительницу Марину (Маргариту).